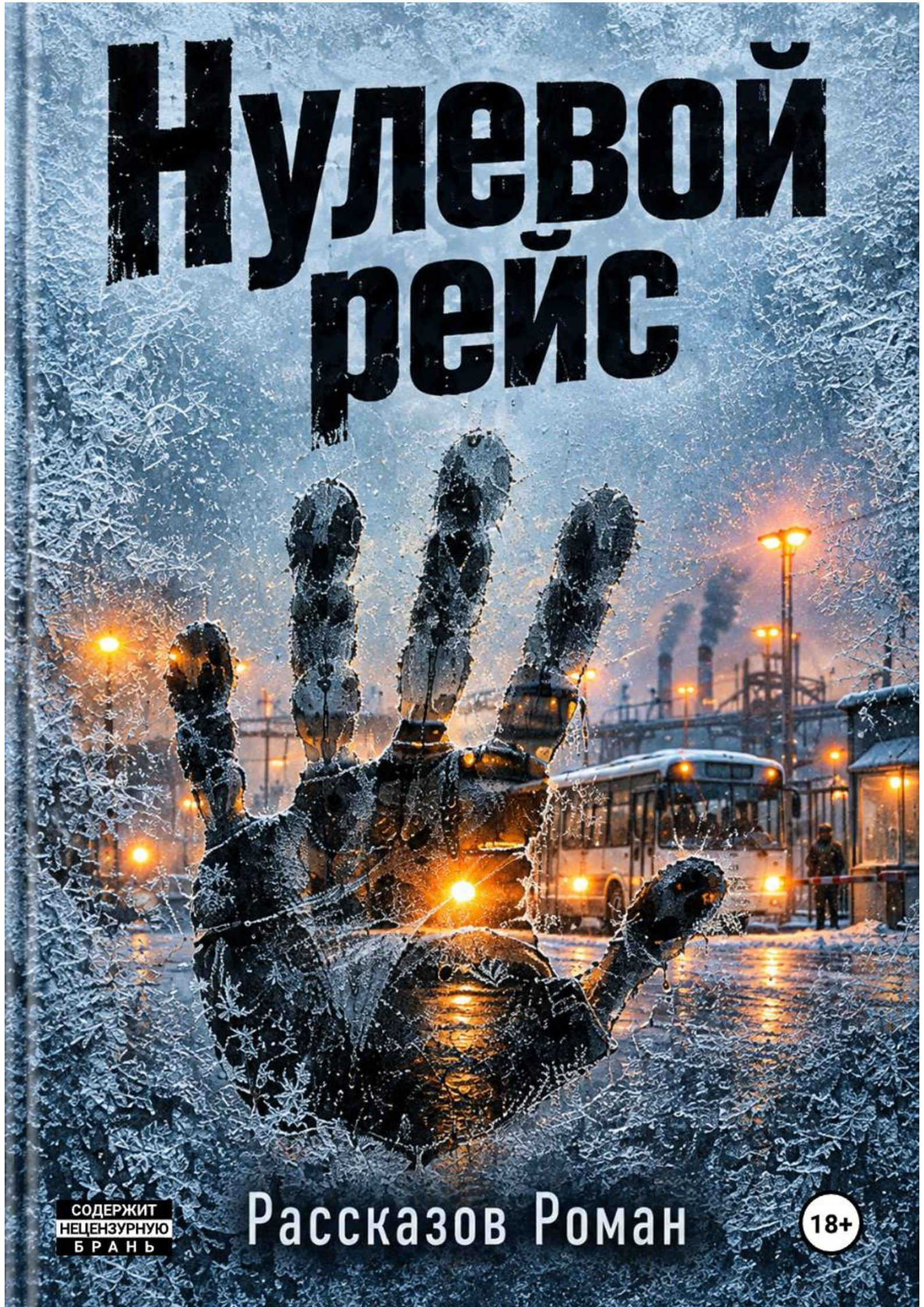
Нулевой рейс

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Рассказов Роман

18+

Роман Рассказов

Нулевой рейс

«Автор»
2026

Рассказов Р.

Нулевой рейс / Р. Рассказов — «Автор», 2026

Поздним вечером Артём Веденин привозит восемнадцать вахтовиков на служебном НЕФАЗе к проходной промышленного комплекса. На восемь минут отлучается в пропускное бюро. Когда возвращается, салон пуст. Сумки остались на сиденьях, а в одной из дверей зажата рабочая перчатка.Среди пропавших — старый друг Артёма, которого он сам уговорил поехать на эту вахту. Теперь жена друга ждёт звонка. Артёму нечего ей сказать.Артём вызывает полицию. Но перевозчик утверждает, что рейса не было. Запись о выезде исчезает из журнала.В поисках пропавших Артём возвращается к комплексу с механиком. Они едут по служебной дороге, проезжают под мостом и оставляют его позади. Дорога тянется вдоль ограды, плавно изгибается — и впереди снова появляется тот же мост.Они пробуют проехать ещё раз. Всё повторяется.

© Рассказов Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Машина остаётся 5
Глава 2. Фотография для Марины 16
Глава 3. Где кончается круг 27
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Роман Рассказов
Нулевой рейс

Глава 1. Машина остаётся

Павел Нечаев вылез из-под сиденья с обгоревшей клеммой в пальцах. На его густых усах белела пыль. Он смахнул её рукавом и показал Артёму почерневший контакт.

— Вот почему у тебя печка через раз. Включи.

Артём нажал клавишу. Под сиденьем загудел вентилятор отопителя, по проходу потянуло тёплым воздухом. Павел подождал, пошевелил провод и только потом поставил защитную крышку на место.

В салоне ещё держался ночной холод. На стёклах у задних рядов белели полосы инея, поручень лип к ладони. За лобовым стеклом, в освещённом дворе «Рудного транзита», двое водителей курили возле закрытого ремонтного бокса. Над воротами горела одна лампа из трёх.

— За клемму сколько? — спросил Артём.

— Переживу. За работу пусть контора платит.

— Когда?

Павел опустил крышку ящика с инструментом.

— Ты у меня спрашиваешь?

Артём проверил показания на панели. Воздух набрался, предупреждающая лампа погасла. Он заглушил двигатель, прислушался. Под полом не шипело.

Павел стоял на передней ступеньке, придерживая ящик коленом. Широкими плечами он почти закрывал дверной проём.

— И про запись Наталье напомни. Заявка лежит, ответа нет.

Артём поднял глаза на маленький экран у кабины. Там был виден пустой проход, серые спинки и сам Павел, обрезанный краем кадра. Картинку салонная камера давала. Сохранять её регистратор перестал давно; они уже проверяли и накопитель, и питание, а новый блок начальство так и не оплатило.

— Напомню.

— Не «напомню», а пусть в журнале остаётся. Потом спросят, почему молчал.

Артём протянул ему старую рабочую перчатку, забытую на панели. Павел забрал её вместе с ящиком и пошёл к ремонтному боксу. По дороге остановился у куривших. Один уже полез в карман за зажигалкой, другой отодвинулся, освобождая место у стены.

До посадки оставалось десять минут.

В диспетчерской было жарко. Наталья Костина прижимала телефон плечом и одновременно выводила что-то в журнале. Когда Артём вошёл, она прикрыла трубку ладонью.

— На «Лесную». Восемнадцать. Савельев у них старший, список у него.

— Знаю. По деньгам что?

Она кивнула на телефон: слышишь, занимаюсь.

Артём остался у стола. На подоконнике остывал чай, рядом лежала пачка квитанций, придавленная степлером. Над дверью висел прошлогодний календарь: чистый НЕФАЗ на летней дороге.

— Да, я поняла, — сказала Наталья в трубку. — Нет, все выйдут по графику.

Она положила телефон.

— Сегодня перевода не будет.

— У меня полтора месяца нет.

— У меня тоже, Тём.

Он знал. От этого легче не становилось.

Наталья подвинула ему документы рейса. Артём проверил номер машины, свою фамилию и пункт назначения.

— Регистратор так и не пишет. Паша просил отметить.

— Отмечено. Заявку я не выбрасывала.

Она подождала, пока он распишется, и забрала журнал.

— В бюро на последнем КПП сегодня водитель нужен лично. Новую заявку на допуск сверяют. Не отправляй Савельева со своими бумагами, всё равно вернут.

— Опять?

— Мне так передали.

Во дворе уже собиралась смена. Люди стояли у ограды, пряча подбородки в воротники; сумки положили на сухой край бетонной плиты. Илья Горин отделился от остальных и пошёл навстречу. Невысокий, коренастый, он нёс на плече тёмно-синюю спортивную сумку с белым шнурком вместо одного язычка молнии.

— Ну что, — сказал он. — Доехали до богатой жизни.

— Ты ещё не сел.

— Марина спросила, точно ли там платят. Я сказал: ты возишь, тебе виднее.

Артём посмотрел на окна диспетчерской.

— За прошлую вахту люди получили.

— Я помню, ты говорил.

— Это другой работодатель, Илюх. У них с оплатой…

— Ты за них не обещай. Я уже здесь.

Илья поправил сумку и двинулся к автобусу. Артём хотел сказать, что никого не тянул силой, но не сказал. Он сам дважды звонил другу, напоминал про набор и советовал не ждать, пока места разберут.

Пока люди садились, Артём стоял у передней двери и считал. Бригадир Виктор Савельев отмечал фамилии в сложенном вчетверо списке. Он дождался, пока Милан Петрович достанет документ из внутреннего кармана, сверил написание и пропустил его на ступеньки. Бекзод Рахимов посторонился, давая товарищу убрать бумаги.

— Обратно тоже вы? — спросил Николай Кудрин.

— В графике я.

— А если график поменяют?

— Диспетчер скажет, кто приедет. Телефон у бригадира есть.

Кудрин кивнул, будто именно это и хотел услышать, и вошёл. Последней поднялась Нина Чижова. Она заметила в проходе чей-то длинный баул.

— Уберите под сиденье. Я сейчас пройду, а потом кто-нибудь навернётся.

Баул втянули в ряд. Савельев ещё раз пробежал глазами список.

— Все восемнадцать.

— У меня сошлось, — сказал Артём.

Бригадир убрал лист в папку и сел у переднего прохода. Артём закрыл дверь, завёл двигатель и дождался, пока все устроятся. В зеркале мелькали руки, расстёгивались куртки; Дина Каримова закручивала крышку термоса, зажатого между колен. Илья сидел справа, через ряд от Савельева. Синюю сумку он пристроил у окна.

— Смотри сюда, — сказал Илья и поднял телефон.

— Поехали уже.

— Полсекунды.

В кадр попали лицо Ильи, плечо Артёма и несколько рядов за ними.

— Марине, — пояснил Илья. — Чтобы знала, что не в гаражах остался.

Он коснулся экрана и убрал телефон. Артём медленно тронулся, перед воротами проверил тормоза. НЕФАЗ остановился ровно. Он отпустил педаль и вывел машину на улицу.

Первые кварталы ехали молча. На светофорах в салон заглядывал красный свет; у стекла кто-то водил пальцем по запотевшему кругу. Потом сзади заговорили о расценках, и через гул двигателя донеслось негромкое: «Это за смену или за выход?»

Лобовое стекло перестало потеть, и Артём убавил обдув на одну ступень. Справа всё ещё тянуло холодом.

Город кончился не сразу. Ещё шли склады, шиномонтаж, освещённые автобусные остановки без людей. За последней заправкой дорога потемнела. По обочине лежал слежавшийся снег, в свете фар проступали чёрные края колеи. Артём заранее сбросил скорость перед знакомой просадкой. Сзади тихо звякнул металл в сумке, но никто не качнулся в проход.

Поворот на «Лесную» обозначали высокий щит и разбитый край асфальта. Дальше дорога раздваивалась: прямо вдоль ограды шла служебная ветка к мосту, а справа открывалась площадка перед последним КПП. Грузовые машины пользовались прямым проездом. Служебный автобус ждал здесь, пока оформляли людей.

У ворот дежурный в серой куртке показал рукой к пропускному бюро.

— В карман встань. Как обычно.

Артём подал машину вдоль низкого здания. Передняя дверь оказалась чуть дальше его угла, средняя — напротив углубления в глухой стене. До кирпича оставалось достаточно места, чтобы выйти и пройти к дорожке у КПП. Дальше дорожку сужала ограда.

На часах над лобовым стеклом было 20:17.

Артём включил стояночный тормоз и взял документы. В зеркале Савельев поднимался со своего места.

— Я тоже?

— Пока только водитель, — сказал дежурный снизу. — Вас отдельно вызовут.

— Посидите, — сказал Артём. — Разберусь.

Он вышел через переднюю дверь, закрыл её снаружи и обогнул угол бюро.

* * *

За стеклянной перегородкой сидела женщина в вязаной безрукавке. Она взяла документы, положила рядом с клавиатурой и спросила фамилию.

Артём назвал.

— Организация?

— «Рудный транзит». В бумагах есть.

Женщина печатала двумя пальцами. Стойка шла вдоль внутренней стены; из помещения были видны входная дверь и кусок площадки за ней. Автобус стоял за углом.

— У вас старый номер допуска.

— Наталья сказала, новая заявка пришла.

— Сейчас проверим.

Она подняла трубку стационарного телефона, нажала несколько кнопок и долго слушала. Артём расстегнул куртку. Под потолком гудел обогреватель, пахло мокрым линолеумом и разогретой едой.

— Перевозчик приехал, — сказала женщина. — Веденин. Да.

Она снова стала слушать.

Артём открыл на телефоне переписку с Павлом. Последнее сообщение было про клемму: «Поставил нормальную. Посмотри завтра, не греется ли». Он написал: «Печка работает» — и убрал телефон.

— Номер машины ещё раз.

Он продиктовал.

— Здесь же написан.

— Мне надо сверить.

Она подвинула ему бланк через прорезь. Фамилия, организация, телефон. Артём заполнил три строки.

— Всё?

— Подпись внизу. И подождите, пока подтвердят.

Он перечитал заполненные строки, подписал внизу и вернул лист.

На стене за женщиной висела схема эвакуации. Красная стрелка упиралась в выход, которым он только что вошёл. Под ней стоял стул с треснувшим сиденьем. Артём сел, вытянул ноги, почти сразу поднялся снова. Автобус работал на холостых; он привык слышать двигатель даже из помещения, но здесь за гулом обогревателя не слышал ничего.

— Долго ещё?

— Сейчас.

Женщина взяла телефонную трубку, хотя звонка не было.

— Да, — сказала она. — Поняла.

Поставила на бумаге отметку и вернула документы.

— Можете идти.

На улице ударил холод. Артём застегнулся, свернул за угол и нажал наружную кнопку передней двери.

Из салона пахнуло теплом. На нижней ступеньке темнел мокрый след. Он поднялся, собираясь сказать Савельеву, чтобы тот готовил свой список, и остановился.

Передние места были пусты.

Артём посмотрел дальше, туда, где свет над проходом не доставал до заднего ряда. Вещи лежали на сиденьях. На спинке висел клетчатый шарф. Из-под кресла торчал край баула, который Нина велела убрать.

— Илья?

Никто не ответил.

Часы показывали 20:25.

Он прошёл по салону до конца. За высокой спинкой у заднего окна могла сидеть женщина, нагнувшаяся к сумке. Не сидела. Между рядами были только смятый пакет и тёмные полосы натаявшей воды. Артём повернулся и пошёл обратно, заглядывая туда, куда уже заглядывал.

У среднего выхода он увидел перчатку.

Серая рабочая, с чёрными резиновыми точками на ладони. Манжета попала между створкой и уплотнителем; пальцы свисали внутрь. Дверь была закрыта. Артём протянул руку, чтобы вытащить перчатку, и не дотронулся.

С утра, когда он проверял двери, её там не было.

Он взглянул на синюю сумку Ильи. Белый шнурок лежал на сиденье, точно как при посадке. Илья ушёл без неё. Все ушли без вещей.

Артём достал телефон и позвонил ему. Женский голос сообщил, что абонент временно недоступен.

Тогда он выбрался через переднюю дверь и пошёл к дежурному.

Тот стоял у шлагбаума, записывая номер подъехавшего фургона.

— Где смена?

— Какая?

— Моя. Из автобуса. Восемнадцать человек.

Дежурный поднял голову.

— Ты же с ними приехал.

— Приехал. Вернулся — нет никого.

— На допуск, может, вызвали.

— Через тебя проходили?

— Нет.

За шлагбаумом водитель фургона посигналил. Дежурный махнул ему подождать.

— Я сейчас с этим разбирался. Потом в будку заходил. Но толпа тут не шла. Я бы увидел.

Артём оглянулся на пешеходную калитку. От двери автобуса к ней вела узкая дорожка вдоль стены. С другой стороны площадку замыкала сетка, за ней темнели сложенные железобетонные плиты. Уйти туда можно было только через ворота, мимо дежурного.

Была ещё дверь в торце бюро.

Артём дёрнул её. Заперто. Вернулся к стойке.

— Людей куда увели?

Женщина в безрукавке смотрела в монитор.

— На внутренний допуск, наверное.

— Кто увёл?

— Я здесь оформляю водителей.

— Мне их где искать?

Она сняла очки.

— Позвоните своему диспетчеру. У них должна быть информация.

— Восемнадцать человек. Только что в автобусе сидели. Вы ни одного не видели?

— Из этого окна я ваш автобус не вижу.

Артём посмотрел на стекло, на стойку, на глухую стену за своей спиной. Отсюда автобуса действительно не было видно.

Он вышел и обогнул НЕФАЗ. Двигатель ровно работал. В углублении у средней двери валялись окурки, на утоптанном снегу наслаивались следы подошв. У стены оставалась тёмная полоса без снега. Артём включил фонарик на телефоне, посветил вниз, потом вдоль стены. Пройти здесь было можно. Как отличить следы его пассажиров от всех остальных, он не знал.

Он дошёл до угла, заглянул за стоящий у ограды контейнер. Там лежали деревянные поддоны. Над отдельной дверью в небольшой пристройке горела табличка «Туалет». Артём открыл её, позвал. Ответа не было. За приоткрытыми внутренними дверцами никого не оказалось.

Когда он вернулся, фургон уже проезжал через шлагбаум. Другой машины, в которую могла пересесть целая смена, на площадке не было. Но пока Артём сидел в бюро, здесь мог кто-то побывать. Он посмотрел на камеру над воротами. Красная точка светилась рядом с объективом.

— Запись у вас есть?

Дежурный проследил за его взглядом.

— Должна быть. Я отсюда не смотрю.

— Кто смотрит?

— Старший. Я ему уже звоню.

Артём набрал Наталью.

— Костина, — ответила она.

— Смена куда-то вышла. Ты знаешь, их пересадили?

— Ты где?

— На последнем КПП. «Лесная». Я в бюро был, вернулся — автобус пустой.

В трубке стало тихо.

— Савельеву звонил?

— У меня его номера нет. Илья недоступен. Сумки все на местах.

— Может, на оформление забрали.

— Кто забрал? Мне никто ничего не говорит.

Наталья попросила подождать. Он слышал, как она выдвинула ящик, чем-то задела телефон. Потом в трубке раздались гудки другого вызова.

— Не отвечает, — сказала она наконец. — Ратникову передам. Стой пока там.

— Наташ, восемнадцать человек. Я их сюда привёз.

— Я слышу. Дай выяснить.

Она отключилась.

Артём остался между автобусом и стеной. От двигателя шло тепло, под ногами хрустела ледяная крошка. Если бы люди вышли на пять минут, кто-нибудь уже вернулся бы за сигаретами, телефоном, забытой бумажкой. Или закричал с той стороны ограды: не уезжай, мы здесь.

Он ещё раз набрал Илью. Услышал тот же ответ, сбросил и позвонил в полицию.

Поначалу говорил слишком быстро. Пришлось повторить адрес комплекса, поворот с трассы и название перевозчика.

— Вы водитель этого автобуса?

— Да. Артём Веденин.

— Сколько человек?

— Восемнадцать. Рабочая смена. Я вышел оформить пропуск. В восемь семнадцать. В восемь двадцать пять уже никого не было.

— Они могли уйти на территорию?

— Могли. Я не видел, как вышли. Но вещи оставили, старший смены не отвечает диспетчеру, мой знакомый тоже. Здесь никто не говорит, где они.

У него пересохло во рту. Он хотел добавить про перчатку, начал и сбился.

— Кто-нибудь ранен? Вы слышали крики?

— Нет. Не знаю. Я в помещении был.

Его попросили назвать номер машины, свой телефон и ждать возле автобуса. Он ответил на всё. Только когда разговор закончился, заметил, как сильно прижимал телефон к уху.

Наталья перезвонила почти сразу.

— Олег занимается. Людей, скорее всего, внутрь перевели.

— Кто тебе сказал?

— Олег.

— Полиция едет.

Она помолчала.

— Ты вызвал?

— Да.

— Поняла, — сказала Наталья и положила трубку.

* * *

Олег Ратников позвонил, когда Артём вернулся в кабину. Через переднюю дверь. К клавише средней он не прикасался.

— Что у тебя случилось? — спросил директор.

Голос был негромкий, почти усталый. Так Ратников разговаривал, когда хотел, чтобы человек сам назвал свою просьбу лишней.

— Людей нет, Олег. Восемнадцать. Я Наталье сказал.

— Мне передали. На объекте свои перемещения. Их могли забрать на оформление, ты просто разминулся.

— С кем разминулся? Кто забрал?

— Сейчас выясняют.

— Дайте Савельева. Если с ними всё нормально, пусть мне скажет.

— Веденин, не все обязаны стоять возле телефона. Ты пока пригони машину. В бокс поставишь, там спокойно разберёмся.

Артём смотрел в зеркало на проход. Сумка Ильи была хорошо видна даже из кабины.

— Я полицию вызвал. Они сюда едут.

Директор перестал говорить. В трубке кто-то кашлянул, послышался отодвигаемый стул.

— Зачем?

— Люди пропали.

— Тебе кто сказал, что пропали? Ты их куда вёз? На работу. Их приняли на объекте. У тебя задача — машина.

— Кто принял?

— Я тебе сказал, выясняют.

Артём снял ногу со ступеньки, сел за руль. В салоне было тепло, но его знобило. Он мог сейчас закрыть переднюю дверь, включить передачу и вернуться знакомой дорогой. Ратников встретил бы его, Савельев нашёлся бы у какого-нибудь другого телефона, и всё это оказалось бы обычной неразберихой. Ему очень хотелось, чтобы так и было.

— Сумки у меня, — сказал он. — И в средней двери перчатка зажата.

— Что за перчатка?

— Рабочая. Не знаю чья.

— Ну вытащи. При чём тут перчатка?

Артём посмотрел на дверные клавиши. Если открыть среднюю, ткань свалится на ступеньку. Кто-нибудь подберёт, бросит к сумкам. В боксе вещи снимут с сидений, чтобы не мешали. Потом придётся объяснять, что где лежало. Он даже не знал, почему это важно, но хотел показать всё как есть.

— До полиции машина останется здесь.

— Ты сейчас распоряжение не выполняешь?

— Я место им назвал. Они приедут, а нас нет.

— Предупреди. На базу приедут. Я тут буду, Наталья будет. Тебе же проще объяснить.

— Пусть сначала здесь посмотрят.

За стеклом дежурный разговаривал с кем-то по рации. Он обернулся к автобусу. Артём отвёл глаза.

— Ты вчера про расчёт спрашивал? — сказал Ратников.

— Спрашивал.

— Тогда давай работать. У меня деньги не из тумбочки берутся. Сейчас сорвём обслуживание, завтра заказчик выставит счёт за простой. Из чего я с вами рассчитываться буду?

Артём потёр большим пальцем трещину на ободе руля. За полтора месяца набралось столько, что уйти без расчёта он не мог. Он уже прикидывал, какую часть перевода оставить на квартиру, какую — на еду и дорогу, а что дотянет ещё неделю. Ратников знал, что водители ждут. Каждому говорил отдельно, когда тот приходил спрашивать.

— Я отработал, — сказал Артём.

— Вот и закончи смену нормально.

У автобуса остановился дежурный. Артём поднял ладонь: минуту.

— После осмотра, — сказал он в телефон. — Если разрешат ехать.

— До утра подумай, как ты дальше собираешься работать.

Связь оборвалась.

Артём ещё несколько секунд держал телефон у уха. Затем положил на панель, заглушил двигатель и вынул ключ. Гул исчез. Стало слышно, как где-то сзади тихо звенит незакреплённая крышка, а вскоре замолчала и она.

— Старший сказал убрать автобус, — сообщил дежурный из дверей. — Вы своих не дождались — чего здесь стоять?

— Полиция едет.

— Я понял. Но автобус мешает.

— Кому? Я в кармане. Проезд свободный.

Дежурный посмотрел на дорогу. Фургон давно скрылся, шлагбаум был опущен. Следующая машина к КПП не подъезжала.

— Начальство сказало.

— Пока не приедут, я не тронусь.

— Тогда хотя бы от стены отгони. Мне говорят, пассажиры не могут пройти.

Артём вышел на нижнюю ступеньку. В углублении всё ещё была видна перчатка: край ткани торчал наружу из-под уплотнителя. До дежурного отсюда можно было дотянуться рукой. Тот ждал, не поднимая глаз.

— Тут пройти можно, — сказал Артём. — Мы с тобой стоим.

— Я вижу.

— Я не знаю, куда они делись. Может, правда сейчас вернутся. Но машину не двину. И дверь эту не открою.

Дежурный посмотрел на него, потом на средний выход.

— Там что?

— Перчатка зажата. Я ничего не трогал.

Он чуть не сказал «вообще ничего», но вспомнил, как прошёл весь салон, держась за поручни. Поправился:

— Сумки не трогал. Перчатку тоже.

Дежурный спустился на асфальт.

— Я передам, что отказался.

— Передай.

Тот отошёл к будке. На середине площадки остановился, вынул рацию. Артём слышал отдельные слова, но не разбирал ответа.

Теперь можно было позвонить Павлу. Или Марине. Что сказать Марине, он не знал. «Илья вышел, скоро найдём» — он едва не сказал так и диспетчеру, хотя не видел ни как Илья вышел, ни куда. Он открыл список контактов и закрыл.

Вместо этого Артём сфотографировал салон от передней площадки. Потом среднюю дверь и перчатку. Снаружи сделал ещё два снимка: автобус возле стены и всю площадку с воротами. На маленьком экране ничего необычного не было. Старый НЕФАЗ, тёплые окна, свет над бюро.

Он остался у передней двери. Когда телефон снова завибрировал, это оказался Ратников. Артём ответил.

— Я всё ещё здесь, — сказал он.

— Я знаю.

На этот раз директор не стал объяснять, что так будет удобнее. Спросил, есть ли у Артёма ключи, и велел утром явиться в контору.

— С документами. Поговорим о твоей работе.

Артём убрал телефон. Ключ лежал в правом кармане куртки, зубцы царапали ладонь. Он переложил его в другой карман, чтобы не держать всё время в кулаке.

Минут через пять из будки вышел дежурный с двумя оранжевыми конусами. Поставил их перед носом автобуса, оставив место для проезда.

— А то полезут сюда разворачиваться, — сказал он.

Артём кивнул.

— Твои всё не нашлись?

— Нет.

Дежурный потоптался, сунул руки в карманы и вернулся к шлагбауму.

* * *

Полицейская машина свернула с трассы примерно через полчаса после звонка. Увидев её, Артём отошёл от автобуса и поднял руку. Она остановилась на открытой площадке. Из неё вышли двое.

— Веденин? — спросил тот, что подошёл к Артёму.

— Да.

— Вы сообщили о пропавших людях?

Артём кивнул и сразу начал про восемнадцать пассажиров, про бюро, восемь минут, сумки. Полицейский остановил его.

— Подождите. Документ ваш сначала. Потом по порядку.

Артём достал права. Руки слушались плохо, прозрачный карман бумажника зацепился за край карточки. Полицейский подождал, сверил фотографию с лицом.

— Вы с ними откуда выехали?

— С базы перевозчика. «Рудный транзит». Наталья Костина диспетчер. У неё наряд, всё есть.

— Люди вам знакомы?

— Не все. Илья Горин — мой друг. Других возил раньше. Савельев у них бригадир.

Второй полицейский подошёл к дежурному. Тот выпрямился и стал показывать на шлагбаум, потом на бюро.

— Кто-нибудь видел, как они выходили? — спросил первый.

— Мне говорят, нет. Я там был.

Артём показал на дверь бюро.

— Водителя вызвали лично. Я бумаги оформлял.

— Сколько отсутствовали?

— На часах в автобусе было двадцать семнадцать, когда вышел. Двадцать двадцать пять — когда вернулся. Я больше никуда не ходил.

Полицейский записал, потом поднял глаза.

— Автобус после этого перемещали?

— Нет. Мне велели в бокс перегнать. Начальник. Но я не стал.

— Почему?

Артём обернулся на машину.

— А что я вам потом покажу?

Полицейский ничего не сказал. Велел держаться рядом и прошёл к передней двери.

Артём поднялся следом на нижнюю ступеньку.

— Я через эту заходил. По проходу до конца прошёл. Поручни трогал. Сумки не открывал, не переставлял. Среднюю дверь тоже не открывал. Там перчатка.

— Покажите отсюда.

Он показал. Полицейский посветил вдоль прохода. Луч задержался на серой ткани у двери, прошёл по сиденьям, вернулся к синей сумке.

— Это чья?

— Горина. Он с ней садился. Шнурок белый, видите?

— Вижу.

Полицейский спустился. Они обошли автобус снаружи, остановились в углублении у средней двери. Луч лёг на резиновый уплотнитель и зажатую манжету.

— Её не вынимайте, — сказал полицейский.

— Не вынимал.

Тот сделал несколько снимков и отошёл позвонить.

Артём остался у стены. От кирпича шёл холод. Теперь он слышал двигатель полицейской машины и тихий разговор у шлагбаума. Дежурный уже не показывал в сторону дороги; он смотрел в раскрытый журнал, а второй полицейский записывал что-то с его слов.

Женщина из бюро вышла на крыльцо.

— Мы закрываемся, — сказала она. — Оформление закончено.

— Подождите, пожалуйста, — ответил второй полицейский. — С вами тоже нужно поговорить. Журналы пока оставьте.

Она осталась у двери, придерживая локти ладонями.

Первый полицейский вернулся к Артёму.

— Приедет группа, осмотрят. Автобус остаётся здесь. Никого внутрь не пускайте, сами тоже не ходите. Сейчас запишем, что было.

— Людей на территории искать будут?

— Будут проверять. Вы скажите, кому звонили и что вам ответили. Кто сообщил, что их приняли?

— Ратников. Директор.

— Он сам здесь был?

— Я его не видел. По телефону сказал.

Полицейский раскрыл блокнот. Артём продиктовал номер директора, потом диспетчерской. Достал свои документы рейса, показал отметку бюро. Полицейский осмотрел лист, переписал сведения и вернул ему.

Услышав вопрос про запись из салона, Артём рассказал о неисправном регистраторе и назвал Павла. О наружной камере сказал отдельно: дежурный обещал спросить старшего, запись им ещё никто не показывал.

Потом ему дали написать объяснение.

Артём устроил бумагу на жёсткой папке. Начал с выезда, но пропустил слово, зачеркнул и написал заново. Вёз восемнадцать человек. Остановился у пропускного бюро. Вышел по требованию сотрудника КПП. Пока писал, всё время хотелось поднять голову и посмотреть, не идут ли они от ворот.

— Вещи все их? — спросил полицейский.

— Сумки я не каждую знаю. Сумку Ильи узнаю. Баул внизу при мне убирали. Люди с ними садились.

Он дописал, прочитал с начала. Исправил «смену увели» на «смены в салоне не было»: кто и куда их увёл, он не видел.

Поставил подпись.

Полицейский забрал лист. Его напарник светил фонариком на камеру над воротами и спрашивал у дежурного, где хранится запись. Артём смотрел на пустые окна НЕФАЗа. Вещи оставались на своих местах, средняя дверь — закрытой. Через стекло был виден белый шнурок на сумке Ильи.

Телефон снова зазвонил. На экране высветилось имя директора.

— Это он, — сказал Артём.

Полицейский закрыл блокнот.

— Ответьте. Скажите, что мы здесь и ждём осмотр.

Артём принял вызов.

— Полиция приехала, Олег. Машина остаётся.

Глава 2. Фотография для Марины

Когда среднюю дверь наконец открыли, перчатка не упала. Манжета прилипла к резине, и человек в тонких перчатках осторожно отделил её от уплотнителя.

Артём стоял снаружи, у угла бюро. Его попросили отойти ещё на шаг, чтобы не загораживал свет. Он отступил.

Осмотр шёл уже второй час. В салоне по очереди включали фонари, фотографировали сиденья, пол, дверной проём. Сумки выносили после того, как отмечали, где какая лежала. Сумку Ильи Артём узнал издалека по белому шнурку. Ему показалось, что сейчас надо подойти и взять её: нельзя же оставить чужому человеку. Он даже двинулся, прежде чем вспомнил, зачем её забирают.

— Эту жене отдадут? — спросил он.

— Потом выяснят, кому что принадлежит. Сейчас вещи поедут с нами.

Человек понёс сумку дальше. Артём проводил её глазами до открытой дверцы машины.

Павел приехал к концу осмотра. Артём позвонил ему, пока ждали группу, и попросил забрать, когда отпустят. Объяснял по телефону сбивчиво; Павел дважды переспрашивал про восемнадцать человек. Теперь он стоял возле своей машины и смотрел, как в пустом автобусе работают чужие люди.

Тот из приехавших, кто задавал больше всего вопросов, вернулся к Артёму с папкой.

— Сегодня больше его не трогайте. Ни мыть, ни ремонтировать. В рейс тоже не выпускать.

— Он здесь останется?

Рядом переминался старший водитель с базы, присланный Ратниковым. Он приехал с другим водителем, который должен был перегнать НЕФАЗ. Теперь старший показал на строку в бумаге: закрытый бокс у перевозчика, машина остаётся там до согласования дальнейших действий. Он расписался за приём, назвал свой телефон. Артём ещё раз спросил, разрешили ли перегон. Ему ответили, что осмотр закончен и место хранения указано здесь.

Только тогда он отдал ключ.

— Людей-то нашли? — спросил он у человека с папкой.

— Пока нет. Проверяют помещения, разговаривают с теми, кто принимал смены. Вас ещё вызовут. Телефон держите включённым.

— Камера?

— Приезд автобуса на записи есть. Нужный отрезок забрали. Двери отсюда не видно.

Он кивнул на углубление у стены. Артём и сам стоял там с телефоном, фотографируя зажатую перчатку. Камера над воротами смотрела через площадку, а средняя дверь уходила за угол здания.

Артём показал сделанные им снимки. Их скопировали; документы рейса ещё раз сверили и вернули. В переданном ему номере телефона он ошибся одной цифрой и попросил продиктовать заново.

— Жене знакомого сообщили? — спросил человек с папкой.

— Сейчас позвоню.

Он сказал это так быстро, будто уже звонил и оставалось только повторить.

НЕФАЗ перегнали на базу. Павел с Артёмом ехали следом. В заднем окне автобуса дрожал свет встречных фар; на последнем ряду уже не было клетчатого шарфа. У «Рудного транзита» водитель поставил машину в бокс, вышел через маленькую дверь в воротах и передал ключ старшему. Тот закрыл дверь и дёрнул за ручку.

Артём смотрел из машины Павла. Обычно он сам проверял этот замок, когда оставлял автобус после ремонта. Сегодня ему не предложили даже выйти.

— Домой? — спросил Павел.

— Подожди.

Артём нашёл Марину в контактах. Палец скользнул по экрану, не попав с первого раза.

Она ответила сразу.

— Тём, вы уже там? У него телефон не берёт.

В машине было тепло. Павел убавил печку.

— Марин, Илью не нашли.

— Что значит — не нашли?

— Я довёз смену до КПП. Меня вызвали в бюро с бумагами. Вернулся — в автобусе никого. Вещи остались.

Он слышал, как она дышит. Потом рядом с трубкой что-то стукнуло.

— Ты где сейчас?

— На базе. Только приехал. Полиция автобус осмотрела.

— Он с тобой доехал?

— Да. Сидел справа, за Савельевым. Я всех привёз.

— Илья выходил?

— Я не видел. Меня восемь минут не было.

— А кто видел?

— Пока никто мне не сказал, что видел. Ратников говорил, их на оформление забрали. Кто забрал, он не назвал. Я звонил Илье. Полицию вызвал.

— Они все там остались?

— Марина, я не знаю, где они.

Он ждал следующего вопроса. Хотел добавить, что наверняка найдут, что целая смена не может вот так… Уже открыл рот и остановился.

— Приезжай, — сказала она. — Адрес помнишь?

— Помню.

— Тогда приезжай.

* * *

Марина Горина открыла в застёгнутой куртке. Тёмные волосы она наскоро собрала на затылке; у виска выбилась прядь. В одной руке держала телефон, в другой — связку ключей.

— Я собралась туда ехать, — сказала она. — Потом ты позвонил в домофон.

Артём вошёл. Из кухни тянуло жареным луком. На тумбочке лежали очки Ильи. Артём знал эти очки: Илья надевал их дома, когда надо было разобрать мелкую надпись, и сердился, если кто-нибудь подавал раньше, чем он попросит.

Марина закрыла дверь, но куртку не сняла.

— Скажи ещё раз. С того места, как остановился.

Он рассказал. Про дежурного, который не пустил Савельева вместе с ним. Про бумагу за стеклом. Про часы. Когда дошёл до пустого салона, Марина спросила:

— Его сумка там?

— Была. Полиция забрала вместе с остальными вещами.

— Синяя?

— Да. Шнурок на молнии белый.

Она посмотрела на ключи в своей ладони и положила их возле очков.

— Я завязала. Он говорил, купит новую сумку с этой получки.

Артём стоял на коврике, не расстегнувшись. С подошв натекало. Марина шагнула в кухню и вернулась с полотенцем, бросила его на мокрое место.

— Разувайся. Не стой.

Он снял ботинки, прошёл следом. На столе стояла сковорода, прикрытая тарелкой. Рядом — хлеб в раскрытом пакете и лист с цифрами. Марина подвинула сковороду и хлеб к стене и положила перед собой телефон.

— Почему сейчас?

Артём не понял.

— Почему ты мне сейчас позвонил? Он исчез в девятом часу.

— Сначала думал, вернутся. Потом полиция приехала.

— И что?

Он потёр ладонью колено.

— Не знал, как тебе сказать.

Марина смотрела на него. Он вспомнил Илью у автобуса: «Я уже здесь». Хотелось объяснить, что работа до этого была нормальная, что другие ездили и возвращались. Но Марина спрашивала не об этом.

— Я ему писала, — сказала она. — Думала, он устраивается, некогда. Потом решила, связи нет. Пока ты стоял там с полицией.

— Надо было сразу.

Она отвернулась к окну. За стеклом горел жёлтый прямоугольник соседней кухни. Артём увидел собственное отражение: сгорбленный человек в рабочей кофте, с красным следом от воротника на шее. Короткие тёмные волосы после шапки торчали на макушке. У висков уже было немало седины; сейчас, при кухонном свете, она особенно бросалась в глаза.

— Он же тебе фотографию посылал, — сказал он.

Марина снова взяла телефон.

— Да.

Она открыла переписку и повернула экран к нему.

Илья смотрел из автобуса с тем выражением, которое у него получалось, когда он пытался не улыбаться. На щеке, возле уха, топорщилась щетина. Край кадра срезал Артёма, оставив плечо в тёмной рабочей куртке. За Ильёй виднелись спинки сидений и два лица; дальше люди заслоняли друг друга.

Артём невольно придвинулся к столу.

— Это перед выездом. Он меня окликнул.

— Я время вижу.

Марина раздвинула пальцами изображение. Подержала так, уменьшила обратно и прочитала сообщения выше.

Перед снимком Илья написал: «Всё, сел». Она ответила: «Позвони, как устроишься». После фотографии он прислал ещё: «Печка греет. Не замёрзну».

Ниже стояли её вопросы. Сначала один короткий. Потом ещё два, отправленные с большим промежутком. Последнее сообщение было уже без вопросительного знака: «Илья, перезвони».

Марина подняла голову.

— На фотографии ты?

— Моё плечо. Я у руля сидел.

— Лица нет.

— Нет.

— А эти кто?

Он наклонился. Одно лицо было смазано, другое наполовину перекрывал поручень. Артём помнил, кто где рассаживался, но от этого маленькое пятно на экране не становилось яснее.

— Не буду угадывать. Здесь Илью хорошо видно. Остальных надо отдельно смотреть.

— Значит, это ещё на базе?

— Да.

Она посмотрела на фотографию снова.

— Он здесь ещё не знал.

Артём не ответил. Палец Марины лежал на краю экрана, возле воротника мужа на снимке. Она не убирала палец, и экран погас.

Некоторое время они сидели молча. Потом она нажала боковую кнопку.

— Кому это показать?

Артём достал записанный номер.

— Мне дали телефон. Можно спросить, к кому с материалами. Только снимок пришли и мне, пожалуйста.

Она переслала ему фотографию. Достала с подоконника ноутбук, освободила перед ним место. Пока он включался, снова пролистала разговор до первых вечерних сообщений, проверила дату над ними. Сохранила полученный файл и переписку; снимки экрана сделала так, чтобы рядом с фотографией оставались имя и сообщения. Артём увидел, что исходный разговор она оставила на телефоне, а скопированные файлы убрала в отдельную папку.

— Это у меня останется, — сказала Марина. — В полиции телефон покажу. Пусть сами смотрят, что от него пришло и когда.

Она сняла наконец куртку, перекинула через спинку стула. На запястье осталась красная полоса от тугой манжеты.

— Кудрин с вами был?

— Николай? Был.

— У меня есть телефон его жены. Они с Ильёй раньше вместе работали, мы тогда обменялись.

Марина нашла номер и нажала вызов.

Артём опустил глаза. Теперь при нём должны были разбудить ещё одного человека. Он слышал гудки, потому что Марина держала телефон не у самого уха. На третьем она выпрямилась.

— Простите, что ночью. Это Марина Горина. Николай вам сегодня звонил?

Ответа Артём не разобрал. Марина слушала, глядя на край стола.

— Нет. Я не оттуда. Илья с ним поехал… Со мной водитель сейчас. Людей в автобусе нет. Полиция уже там была.

Марина надолго замолчала. Артём протянул руку к своему телефону, хотя тот не звонил.

— Нет, я не говорю, что с ним что-то случилось. Я не знаю. Скажите, когда вы с ним последний раз разговаривали.

Марина притянула к себе лист с расчётами, перевернула. Ручка лежала под ноутбуком; Артём достал и подал. Она записала фамилию и время.

— Сохраните, пожалуйста. Всё, что он присылал сегодня. Мне можно пока не отправлять, я понимаю. В полиции покажите… Да, я тоже буду обращаться.

Когда разговор закончился, она осталась с телефоном в руке.

— Ей сказали, что там связь плохая. Она не хочет, чтобы я её переписку собирала.

— Кто сказал?

— Николай ещё до отъезда. Что может не звонить сразу.

Артём кивнул. На этом ничего нельзя было построить: обычное предупреждение перед работой на закрытом объекте.

— Она дала ещё номер, — сказала Марина. — Сестры одного из ваших. Сама сейчас ей позвонит, чтобы та не испугалась чужого человека.

— Всё равно испугается.

— Да.

Марина посмотрела на него без раздражения. От этого стало хуже.

Он поднялся.

— Завтра к Ратникову пойду. Он вызвал. Буду спрашивать, кто их принимал.

— И что ты мне скажешь после?

— Что ответит.

— Даже если опять ничего?

— Даже тогда.

Она положила телефон на стол.

— Ты говорил, там хорошо платят.

— Говорил.

— Я не хотела, чтобы он ехал. У него здесь два заказа сорвались, он ходил злой. А ты позвонил второй раз.

— Марин…

— Подожди. Я тоже считала, сколько он привезёт. Вот на этой бумажке.

Она посмотрела на перевёрнутый лист. На обороте теперь было чужое имя и время последнего звонка.

— Ты не заставлял его, — сказала она. — Только не говори мне этого сейчас.

Артём закрыл рот.

Марина открыла записанный полицейский номер. Он спросил, нужно ли отвезти её. Она покачала головой:

— Сначала узнаю, куда ехать. Потом машину вызову. Ты мне документы свои сфотографируй. Те, по которым вёз.

Он достал их из внутреннего кармана. На кухонном столе разгладил загнувшийся угол, снял каждую сторону и отправил. Марина проверила, всё ли читается, и вернула ему листы.

У двери Артём остановился.

— Я буду искать.

Она стояла посреди прихожей, босая, в свитере, который съехал на одно плечо.

— Звони, — сказала она. — Не жди, пока найдёшь.

* * *

Утром Наталья не подняла глаз, когда Артём вошёл в диспетчерскую.

Он успел побывать дома. Вымыл руки, съел кусок хлеба над раковиной, лёг, не раздеваясь до конца. Телефон положил у головы. Когда тот зазвонил, Артём вскочил, уверенный, что прошло пять минут, но за окном уже серело. Звонил Ратников: к девяти будь в конторе.

Теперь на прежнем месте у Натальи стоял чай. Она водила мышью, глядя в экран.

— Вчерашний наряд покажи, — попросил Артём.

— Олег ждёт.

— Наташ.

Она повернула монитор на несколько градусов. В перечне были машины, фамилии, время выезда. Между двумя вечерними строками его рейса не было.

— Ты убрала?

— Я не убирала.

Он посмотрел на закрытый журнал у её локтя.

— А там?

Наталья придержала обложку ладонью.

— Мне сказано всё отдать, когда запросят. Тебе я бумаги не дам.

— Ты же сама их выдавала.

— Я помню, что я делала.

Она сказала это тихо, но Артём больше не стал тянуться к журналу.

Дверь директорского кабинета открылась.

— Веденин. Сюда.

Олег Ратников стоял без пиджака, в светлой рубашке. Высокий, с узким лицом и зачёсанными назад седеющими волосами, он смотрел на Артёма сверху вниз. Потом отступил, пропуская в кабинет. На столе лежала тонкая папка и один лист поверх неё. Артём помнил этот стол по прошлому разговору о зарплате: тогда здесь стояла тарелка с нарезанным яблоком. Сегодня место перед стулом расчистили.

— Садись.

Артём сел.

Ратников дождался, пока закроется дверь.

— Вчера рейса на «Лесную» не было.

Артём посмотрел на него.

— Я оттуда ночью приехал.

— Я про рейс предприятия. Заказчик заявку снял. В наряде тебя нет.

— Зато у меня бумаги есть.

— Покажи.

Артём достал телефон и открыл фотографию, которую отправил Марине. Положил экраном к директору.

— Оригинал принёс?

— Принёс. Полиция его ночью смотрела.

— Я спросил, принёс ли ты мне документы.

— Они у меня.

Ратников откинулся в кресле.

— Ты сейчас думаешь, что всё очень умно делаешь. Снятый заказ не перестаёт быть снятым оттого, что у тебя старый лист остался.

— Наталья выдала перед выездом. Я при ней расписался. Где восемнадцать человек, Олег?

— Не перекладывай. Кто их сюда привёл?

— Они на работу ехали.

— Горина ты позвал?

Артём не ответил сразу.

— Позвал, — сказал Ратников. — А теперь его жена звонит диспетчеру, требует фамилии. Ты ей что наговорил?

— Что привёз мужа и не знаю, где он.

Ратников сдвинул лист к нему.

— Напишешь объяснение. Спокойно, без вот этого. Не дождался окончательного подтверждения, выехал по личной просьбе знакомого. Документы взял раньше. Мы решаем внутри. По расчёту я дам команду сегодня.

Артём опустил глаза.

На листе уже было напечатано: «Автобус взял без распоряжения диспетчера. Поездку организовал по личной просьбе Горина И.». Ниже оставили место для даты и подписи.

— Он меня не просил его везти, — сказал Артём.

— Ты ему работу предложил, он согласился. Формулировку поправишь, если так важно.

— Наталья дала рейс.

— Наталью оставь в покое.

Ратников пододвинул ручку. Она покатилась по гладкому столу и остановилась у пальца Артёма.

— Слушай сюда. Ты сам поехал, сам остановился, сам вышел. Где люди — объясняешь ты. У тебя есть вариант: ошибся с распоряжением. Взял машину, не согласовав. Для тебя же лучше, чтобы разговор был об этом.

— А другой вариант?

— Другой — ты собирал людей по знакомым и куда-то их отвёз. Ты понимаешь, о чём тебя начнут спрашивать? Кому передал, сколько получил. Переписку твою посмотрят. Как ты Горина уговаривал.

Артём слышал, как в коридоре прошли двое. Один засмеялся, другой ответил невнятно. Они разговаривали о своём и удалялись к лестнице.

— Вчера вы сказали, их приняли, — произнёс он. — Кто принял?

— Я пытался тебе объяснить, что у объекта свой порядок. Ты вместо этого устроил представление.

— Вы сказали: «Их приняли на объекте».

— Ты разговор записывал?

— Нет.

— Тогда не цитируй, чего не помнишь.

Артём сжал руки между коленями. Захотелось встать, стукнуть по столу и заставить его повторить всё при полиции. Он посмотрел на ручку. Ратников ждал, и в этом ожидании не было спешки.

Задержанной зарплаты хватило бы, чтобы оплатить квартиру и несколько недель не искать случайной работы. Ночью у Марины на столе Артём видел похожие столбики цифр.

Он отодвинул лист.

— Такого не было. Подписывать не буду.

Ратников забрал ручку.

— Значит, расчёт пока придержим. До выяснения.

— Это за отработанное.

— Ты мне вчера простой устроил. Машина теперь стоит. Ещё не знаем, сколько с нас взыщут.

Артём поднялся. Ратников раскрыл папку.

— И не делай вид, будто у тебя первая такая поездка. Сядь.

На стол лёг ещё один лист. Сверху стояла фамилия: «Веденин Артём». Ниже — номер другого вечернего рейса на «Лесную», время выезда с базы, возвращение. Дата была двенадцатидневной давности.

— Это что?

— Твой выезд. Вот подпись. Или тоже ничего не знаешь?

Артём наклонился. Внизу шла похожая на его подпись закорючка: длинный первый штрих, тесно сбившиеся буквы. Он так этот лист не подписывал. Но, глядя на чернила, не мог объяснить, чем именно она отличалась от его собственной торопливой подписи.

В графе выезда было 16:10.

Он прочитал дату второй раз. В тот день они ездили с Павлом за насосом. На екатеринбургском складе им выкатили не тот ящик, пришлось распаковывать, сверять и ждать, пока найдут нужный. Артём помнил, как стемнело над воротами, но по этой темноте нельзя было восстановить часы.

— Я в Екатеринбурге был.

— Конечно. А это само написалось.

Артём достал телефон и навёл камеру. Ратников ещё говорил, но, увидев экран, накрыл ладонью низ листа. Артём всё-таки нажал: дата, номер, время выезда и фамилия остались открыты.

— Здесь тебе не фотостудия.

— Подпись не моя.

— Это ты потом расскажешь. Про вчерашний выезд пишешь?

Артём убрал телефон.

— Нет.

Ратников встал и открыл ему дверь.

— К машине не подходить. В бокс тебя больше не пускают. И предупреждаю: если начнёшь дёргать работников и мешать людям, заявление я тоже умею написать.

Артём вышел. Наталья стояла у принтера, спиной к коридору. Он прошёл мимо, не окликнув её.

* * *

На улице пахло выхлопом и холодным железом. У ворот бокса лежал вчерашний снег с чёрными полосами от колёс. Артём машинально свернул туда и остановился.

В кармане лежал бумажник с правами. Ключа от автобуса не было.

Он набрал Павла.

— Помнишь, мы насос забирали? В Екатеринбурге.

— Помню. Ты от Олега?

— Да. Во сколько мы были на складе?

— После обеда. А что?

Артём переслал фотографию.

— Посмотри дату. По этой бумаге я в шестнадцать десять с нашей базы выехал на «Лесную».

Павел замолчал.

— Я точно время не помню, — сказал он наконец. — У кладовщика выдача отмечена. Позвоню ему.

— У меня в телефоне тоже что-то было.

— Посмотри. Только не подгоняй. Я наберу.

Артём открыл старую переписку. Нашёл фотографию номера насоса, которую отправлял Павлу ещё перед поездкой. Та ничего не решала. Потом — сообщение со склада: «Старый корпус не забудьте». Оно тоже было раньше.

Он убрал телефон, прошёл к проходной и услышал вызов от Марины.

— Ты поговорил?

— Да.

— Что сказал?

Артём остановился под козырьком.

— Что служебного рейса не было. Хотел, чтобы я написал: машину взял сам, повёз по просьбе Ильи.

— Ты написал?

— Нет.

Она не стала его благодарить.

— Я утром была в полиции, — сказала Марина. — Фотографию и переписку приняли. Телефон смотрели. Меня спросили, мог ли Илья передумать и куда-то уйти.

Артём провёл ладонью по лицу.

— Он бы сумку…

— Я им сказала, что он мне писал. И когда последний раз звонил. За остальное отвечать не могу.

— Понятно.

— Ничего мне не понятно, Тём.

С улицы донёсся резкий сигнал. Артём отошёл дальше от дороги.

— Я не про это.

— Знаю.

Она помолчала.

— Жена Кудрина тоже подала. Ещё сестра Седых нашлась. Антон ей голосовое отправлял из автобуса. Она сама его сохранит и отнесёт. Я сказала, пусть не обрезает.

— Илью там слышно?

— Не знаю. Мне пока не присылали. Она говорит, он о дороге рассказывал. Не о том, что потом было.

Марина тяжело выдохнула, и Артём представил, как она опять наклоняется над листом, не выпуская ручку. Больше он ничего не мог представить уверенно: ни где она сейчас сидит, ни ела ли с вечера.

— Ты всё записывай, что тебе говорят, — попросила она. — Если сам не видел, так и помечай. А то я за утро уже два разных рассказа услышала, будто вас на другой автобус пересадили. Спрашиваю, кто видел, — никто.

— Есть ещё бумага с моим именем. За другую дату. Проверяем с Пашей.

— Пришли.

— Там пока…

— Я слышала. Проверяете. Пришли, как есть.

Он отправил снимок.

— Об Илье новостей нет, — сказал он.

— Я поняла. В следующий раз всё равно звони.

После разговора Артём ещё раз открыл фотографию, которую переслала Марина. Увеличенный снимок не давал ничего нового. Илья оставался на том же сиденье; чужие лица за ним распадались на светлые пятна. Артём вернул изображение к обычному размеру.

Он позвонил по номеру, который ему дали ночью, рассказал об утреннем разговоре и другом рейсе. Его спросили, сохранилась ли сама бумага. Артём объяснил про снимок верх-

ней части и про подпись, которую видел, но не успел снять. Фотографию попросили прислать вместе с данными человека, который сможет подтвердить поездку за насосом.

У проходной остановилась машина Павла. Он перегнулся через пассажирское сиденье и открыл дверь.

— Садись. Ноги отморозишь.

Артём сел, с трудом согнув затёкшее колено.

— Кладовщика застал, — сказал Павел. — Он поднял выдачу. Вспомнил, как мы с ящиком ругались. Насос на меня оформлен, так что накладная одна тебя не выручит.

— Да я там был, Паш.

— Я знаю. Слушай дальше.

Павел показал телефон. На экране стоял остановленный кадр с высокой камеры: часть склада, стол выдачи, двое у деревянного ящика. Один держал крышку. Другой, сняв шапку, смотрел в накладную.

Артём узнал свою кофту раньше, чем лицо. Потом увидел лицо: он поднял голову к кладовщику, и верхний свет попал ему на лоб и нос.

— Он в архиве нашёл. Кусок сохранил, чтобы не затёрло. Прислал, велел номер дать, если будут проверять.

Павел включил короткое видео. Артём на записи поворачивал насос за фланец, помогая сдвинуть его в ящике. Павел что-то говорил человеку за столом. Звука не было. В углу менялись секунды после 16:08.

— Дата та же? — спросил Артём.

— Та. Часы на складе надо сверить, он так и сказал. Но мы у него не пять минут стояли. Там дальше ещё есть. Он весь отрезок оставит.

Артём смотрел, как его собственные руки выбирают удобный хват. На другой бумаге через две минуты он должен был выехать из Тагила.

— Перешли мне. И номер его.

— Уже.

Артём отправил полицейскому снимок листа, запись и контакт. Отдельно написал, что время камеры ещё не проверяли. Потом переслал запись и контакт Марине. Это не объясняло, куда делся Илья.

Павел завёл двигатель.

— Тебя домой?

Артём посмотрел на ворота бокса.

— К «Лесной» надо.

— Сейчас?

— Пока светло. Я ночью по площадке ходил. Там всё вдоль стены, потом калитка. Полиция смотрит, я понимаю. Но дорога дальше идёт. Снабженцы прямо ездят, мы направо вставали.

— Думаешь, там их увезли?

— Не знаю. Я туда вчера не ездил. За бюро, куда машины уходят, мне от автобуса не видно.

Павел положил руки на руль и некоторое время смотрел через лобовое стекло.

— Машину дашь? — спросил наконец Артём.

— Дам. Но поведу сам. Ты после такой ночи за руль не сядешь.

— Я могу.

— Можешь рядом сидеть и показывать. Сперва поедим.

Артём хотел возразить. Вместо этого посмотрел на свои руки. На большом пальце осталась чёрная полоска, которую ночью не удалось отмыть.

— Ладно.

— И через заборы не полезем. Сначала доедем, посмотрим, где можно пройти.

— Договорились, — сказал Артём.

Пока тот выезжал со двора, Артём написал Марине, что они едут вдвоём повторить дорогу до КПП и посмотреть служебный проезд. Новостей о людях пока нет. За рулём Паша. Добавил, что позвонит, когда доберутся. О поездке сообщил и полицейскому.

Марина ответила не сразу: «Хорошо. Я буду на связи».

Артём проверил, не без звука ли телефон, и положил его на колено экраном вверх.

Глава 3. Где кончается круг

В столовой Артём поставил телефон между хлебницей и стаканом, экраном к себе. Суп уже не обжигал, а он всё ещё держал над тарелкой полную ложку.

— Ешь, — сказал Павел. — Он и отсюда зазвонит.

Артём проглотил. Только теперь почувствовал, насколько был голоден. Доел быстро, вытер хлебом край тарелки. Павел отнёс посуду и принёс два чая в бумажных стаканах с крышками.

У машины он протянул Артёму один стакан.

— Полегче?

— Поехали.

Павел убрал свой чай в держатель и сел за руль. Артём пристегнулся. После тёплой еды потянуло в сон; пришлось приоткрыть окно, подставить лицо холодному воздуху. За городскими строениями уже тянулись склады, стоянки грузовиков, низкие заборы с одинаково выцветшими объявлениями. Здесь он снова мог показывать дорогу, не глядя в телефон.

— После щита направо. Только край разбит, не режь.

Высокий щит «Лесная» показался над кустами. Павел сбросил скорость и свернул, объезжая выломанный край асфальта. На спуске стакан в руке Артёма наклонился; из отверстия в крышке выступила капля чая.

Внизу дорога раздваивалась. Прямо, вдоль ограды, шёл служебный проезд. Справа открывалась площадка перед пропускным бюро.

— Сначала сюда, — сказал Артём.

Павел повернул вправо.

Ночью площадка казалась тесной. Теперь, без НЕФАЗа, между стеной и краем проезда оставалось много пустого места. Углубление, куда была обращена средняя дверь, лежало в тени. Под стеной темнела мокрая полоса; определить, что оставил автобус, а что было здесь до него, уже не получалось.

Павел остановился в стороне от входа.

Артём взялся за телефон. Он помнил обещание, но всё равно хотелось сначала выйти, заглянуть за угол, найти что-нибудь, с чем можно звонить.

Марина ответила после нескольких гудков.

— Доехали, — сказал он. — Мы у бюро.

— Там кто-нибудь есть?

— Дежурный внутри. Автобуса нет. Мы пока только подъехали.

Она помолчала.

— Мне ещё не звонили.

— Мне тоже. Сейчас посмотрим дорогу дальше. Потом позвоню.

— Ты с Пашей?

— Да.

Артём посмотрел на Павла. Тот ждал, держа ногу на тормозе.

— На связи будем, — добавил он и убрал телефон.

Они вышли. Под подошвами хрустела подсохшая грязь. За стеклом бюро сидел другой дежурный, молодой, с коротко подстриженными висками. Он поднял глаза, когда Артём подошёл к окну.

— Вчерашняя смена нашлась?

— Какая смена?

Артём назвал перевозчика. Дежурный сразу перестал крутить ручку в пальцах.

— Мне ничего не передавали. По вчерашнему начальник отвечает.

— Он здесь?

— Нет.

Артём постоял перед окошком ещё несколько секунд. На подоконнике лежал журнал, другой рукой дежурный придерживал его раскрытую страницу. Артём не видел написанного и не стал вытягивать шею.

Когда он вернулся, Павел стоял возле переднего колеса своей машины и смотрел в сторону развилки.

— Нам прямо?

— Да. Снабженцы туда уходят. Видишь, колея вдоль забора.

— А ты?

— Я здесь останавливался. Дальше не возил.

Он обошёл пустое место, где ночью стоял НЕФАЗ. С этого угла служебная дорога была видна всего на несколько десятков метров: потом её закрывали бюро и изгиб ограды. Артём попробовал представить, как за это время по ней могла пройти машина с людьми, и опять поймал себя на том, что выбирает объяснение раньше, чем нашёл хоть один след.

Павел открыл водительскую дверь.

— Посмотрим.

* * *

Они вернулись с площадки к развилке и выехали на прямой проезд. Справа потянулась ограда из бетонных плит. Слева земля поднималась к насыпи; между склоном и асфальтом лежала канава с мутной коркой льда. Встречных машин не было.

За изгибом показался мост.

Дорога уходила под невысокий бетонный мост; в пролёте могли разъехаться две машины. У левого устоя желтел щит ограничения высоты. Нижний угол щита отогнуло наружу; под ним по бетону шли два широких ржавых потёка. Перед въездом асфальт пересекала широкая латка. Справа, зацепившись за прутья поверх ограды, трепыхался на ветру синий полиэтиленовый пакет.

Павел притормозил перед латкой. Когда передние колёса прошли её выступающий край, машину тряхнуло. Следом на ту же неровность наехали задние колёса, и толчок повторился.

— Здесь и грузовые проходят? — спросил он.

— Я их с площадки видел. Куда дальше — не знаю.

Перед мостом слева открывался щебёночный карман. За ним стояла низкая будка с закрытой серой дверью, рядом — сетчатые створки. Между будкой и устоем оставался узкий проход с перилами. Ни человека, ни припаркованной машины Артём не заметил.

Павел держался правее, оставляя место встречному. Артём повернул голову к боковому стеклу и успел заглянуть в проход: перила уходили под мост вдоль края дороги. Дальше было темно.

Под мостом загудели шины. В салоне стало темнее. Над лобовым стеклом прошли поперечные балки, потом машина выехала на свет.

За мостом асфальт поднимался к неглубокому правому изгибу. У выхода поперёк полотна проходил светлый бетонный водосток. Справа ограда ещё несколько метров шла ровно, затем поворачивала вместе с дорогой. Впереди, за поворотом, виднелись две трубы и край плоской крыши.

— Туда, наверное, — сказал Артём.

Павел качнул руль вправо, следуя изгибу. Машину не кренило. Скорость была небольшой; за боковым стеклом медленно тянулась грязная кромка асфальта. Артём хотел разглядеть ворота дальше по ограде.

Вместо ворот впереди оказался мост.

Артём сперва решил, что это второй мост. Такой же тёмный пролёт, жёлтый щит слева. Наверное, два моста построили рядом, а он по этой дороге раньше не ездил.

Потом синий пакет на правой стороне вздулся от ветра и опал.

— Паш.

— Вижу.

Машина ещё катилась. Павел убрал ногу с газа и посмотрел в левое зеркало, потом в правое.

Под жёлтым щитом шли те же два ржавых потёка. Угол щита торчал наружу. До латки на асфальте оставалось метров пятнадцать.

— Там второй? — спросил Павел.

Артём обернулся.

Моста, из-под которого они только что выехали, сзади не было. Дорога уходила вдоль плит к повороту за бюро. Над оградой виднелся верх его крыши.

Он сел прямо.

— Это тот.

— Может, мы вокруг насыпи…

Павел не договорил. Положил ладонь на верх руля, словно проверяя, куда он повёрнут.

— Ты направо чуть взял, — сказал Артём. — Я видел.

— Я знаю, куда я взял.

Павел остановился перед латкой. Они снова оказались на подъезде со стороны КПП, носом к мосту. Двигатель работал ровно. Вентилятор печки шуршал на второй скорости. Из-под неплотно закрытой крышки стакана вытекло немного чая; Артём почувствовал тёплую каплю на пальце.

Он не помнил ни остановки, ни рывка. Не закрывал глаз и ни разу не отвлёкся на телефон. За мостом он смотрел вперёд, на край крыши; Павел вёл машину. Теперь крыши впереди не было. Перед ними снова стоял левый устой со щитом.

Артём опустил стекло. Холодный воздух принёс запах сырого бетона. Пакет на ограде шуршал.

— Мы могли в сторону съехать?

Павел повернулся к нему.

— Где?

Артём посмотрел на дорогу. Здесь не было даже места для съезда: справа плиты, слева канава и насыпь. Поворот за мостом он видел. Одного такого поворота не хватило бы, чтобы объехать насыпь и вернуться с прежней стороны.

— Дай проедем ещё, — сказал он.

Павел молча включил указатель поворота.

— Ты куда?

— Назад.

— Подожди. Мы ещё ничего не…

— Я назад проверю.

Павел посмотрел в зеркала и осторожно съехал в щебёночный карман перед будкой. Камни захрустели под днищем. Места для одного разворота не хватило; он остановился носом к сетчатым створкам, включил заднюю и начал сдавать, разворачивая машину поперёк дороги.

Только сейчас Артём по-настоящему испугался.

Пока они смотрели на мост, можно было продолжать спорить о втором пролёте. Теперь Павел разворачивал машину к выезду, и Артём ждал, что за задним стеклом снова возникнет жёлтый щит. Он повернулся всем корпусом, упёрся ладонью в спинку сиденья. Шея хрустнула.

Сзади были дорога, канава и угол ограды.

— Чисто, — сказал он.

Павел выровнял машину. Мост остался позади.

— Останови у края. Я пешком посмотрю.

— Нет.

— Паш, там здания. Мы до них не дошли.

— И не доехали.

— Потому и надо…

— Сначала выезд.

Павел сказал это резко. Артём увидел у него над ухом мелкую дрожь мышцы. Рука на рычаге передач не сразу вернулась к рулю.

— Я тоже там был, — добавил Павел. — Не один ты смотрел.

Артём отпустил спинку сиденья и сел нормально.

Обратно вдоль ограды они ехали медленнее. Поворот к бюро приближался. Артём смотрел вперёд, ожидая, что за ним опять появится жёлтый щит.

Показалась крыша бюро, потом само здание. На площадке стоял небольшой фургон, которого не было при их первом подъезде. Дежурный вышел к водителю с журналом под мышкой.

Павел не свернул к ним. Он миновал развилку, поднялся к щиту «Лесная» и остановился перед трассой.

Мимо прошёл самосвал. Из-под задних колёс на лобовое стекло полетела серая вода. Павел включил дворники, дождался просвета и выехал следом.

Артём смотрел на удалявшийся щит в боковом зеркале. Потом начался ряд голых деревьев, щит закрылся. Они проехали остановку с выбитой стенкой, поворот к гаражам, рекламу шин. Самосвал впереди всё так же тянул за собой грязную водяную пыль.

Мост больше не появлялся.

* * *

Павел остановился на площадке возле закрытого шиномонтажа. За сеткой лежали шины, на запертой двери белел листок с выцветшими цифрами. Отсюда не было видно ни «Лесной», ни насыпи.

Несколько секунд они сидели, не глуша двигателя. Артём ждал, что Павел что-нибудь скажет. Тот смотрел через стекло на дверь.

— Здесь нормально, — произнёс наконец Артём.

— Сюда доехали.

Павел выключил двигатель.

Сразу стал слышен шум машин на дороге. Артём открыл дверь и встал. Ноги не подгибались, но в животе неприятно тянуло, словно он ничего не ел. Он обошёл машину сзади и положил ладонь на крышку багажника. Металл был холодный, в мелких песчинках.

Павел вышел с другой стороны. Наклонился к переднему колесу, провёл пальцами по боковине, выпрямился.

— Что ты там ищешь?

— Ничего.

Он растёр пальцы и посмотрел на них.

Артём понял. Сам он всё ещё держался за багажник.

— Мы под ним были, — сказал он.

— Были.

— Обратно не ехали.

— Пока я не развернулся — нет.

На трассе просигналила машина. Кто-то не успел перестроиться перед поворотом; обычная короткая злость водителя прозвучала так близко, что Артём вздрогнул.

Он достал телефон. Экран работал. Пришло рекламное сообщение от магазина, куда он давно перестал ходить. В пропущенных вызовах ничего не было.

Артём открыл переписку с полицейским. Начал набирать: «За КПП странная дорога». Стер слово «странная».

Написал, что они поехали прямо от развилки вдоль ограды, прошли под мостом и без разворота снова подъехали к тому же пролёту. Что потом развернулись сами, вернулись через знакомый съезд и сейчас стоят на обычной трассе у шиномонтажа. Добавил расположение поворота, название на щите. Прочитал Павлу.

— Так?

— Про похожий мост напиши, как узнали.

Артём добавил щит с отогнутым углом, два потёка и пакет на ограде. Отправил. Ответа сразу не было.

Он позвонил Марине.

— Мы выехали на трассу.

— Уже посмотрели?

— К зданиям не попали.

Она ждала. Артём пошёл вдоль машины и остановился у её переднего крыла.

— Там дорога снова выводит к мосту. Проехали под ним и оказались перед ним. Паша тоже видел.

Сказать это вслух ей было труднее, чем написать полицейскому. Артём смотрел на след соли под дверной ручкой: белая неровная кайма, знакомая по каждой зимней машине.

— Как это — перед ним?

— Пока не понимаю. Мы не разворачивались. Сейчас оба снаружи, на нормальной дороге. Я написал тому, кто ночью приезжал.

— Ты спал вообще?

— Немного.

— А Паша?

— Он вёл, Марин. Он тоже…

— Я услышала. Я спрашиваю, вы можете ехать?

Артём посмотрел на Павла. Тот стоял у открытой водительской двери и смотрел на него.

— Можем. За рулём он.

— Только не говори мне, что вы почти нашли.

— Мы никого не нашли.

После этих слов она помолчала.

— Позвони, когда уедете оттуда окончательно.

— Позвоню.

Артём убрал телефон. Павел протянул ему чай. Стакан уже едва грел ладонь.

— Всё? — спросил он.

— Нет.

Павел опустил голову.

— Я хочу вернуться, — сказал Артём. — Один раз.

— Ты там уже хотел ещё.

— Я не предлагаю ездить до вечера. Надо понять, где это начинается.

— А если в следующий раз назад не выпустит?

Артём хотел сказать, что выпустит: они же выехали. Но для этого у него было ровно столько же оснований, сколько раньше для уверенности, что за мостом будет продолжение дороги.

— Не знаю, — сказал он.

Павел отставил свой стакан на крышу машины.

— Вот и я не знаю.

Артём вытащил из кармана чек из столовой, разгладил на капоте. Бумага заворачивалась по краям. Он придержал её двумя пальцами.

— Ручка есть?

Павел достал из бардачка огрызок карандаша.

Артём нарисовал трассу, съезд и развилку. Справа обозначил площадку бюро, прямо — ограду, затем мост. За ним провёл короткую черту и повернул линию вправо.

— Водосток помнишь? Светлый, поперёк. Мы его переехали. Потом ты взял правее — и уже опять щит.

Павел придвинул чек к себе.

— Ещё до поворота могли.

— Вот. Я не заметил где.

— А сейчас заметишь?

— Если будем останавливаться. До моста мы доехали обычно. Назад от него тоже. Надо смотреть дальше, понемногу.

Павел молчал. Карандаш лежал между его пальцами; Артём ждал, не отводя взгляда от неровной линии на чеке.

— Я не хочу уехать с одним «показалось», — сказал он.

— Мне не показалось.

— Знаю.

Павел повёл карандашом от моста назад к развилке.

— Отсюда мы вышли. Эту дорогу держим. Никаких обочин, никаких пешком.

— Хорошо.

— При первом повторе я разворачиваюсь в том же кармане. Если раньше что-нибудь не сходится — тоже назад. Не спорим посреди дороги.

Артём кивнул.

— Скажи.

— При первом повторе уходим. Не спорим.

— Третий раз сегодня не поедем.

Артём посмотрел на нарисованный мост.

— Не поедем.

Павел вернул ему карандаш.

— И следишь за дорогой. Не за экраном.

Они допили чай. Артём выбросил стаканы в урну у двери шиномонтажа, а чек сложил и убрал отдельно от документов рейса. В машине написал Марине, что они согласовали ещё одну короткую проверку вдвоём и после неё уедут; через двадцать минут позвонит в любом случае. Такое же уточнение отправил полицейскому.

Павел дождался, пока он пристегнётся.

— Поворот покажешь.

* * *

На обратном пути остановка оказалась с другой стороны дороги. Потом прошёл ряд деревьев, и над ним поднялся щит «Лесная». Всё было в обратном порядке, как и должно было быть. Артём ловил себя на том, что проверяет даже это.

Павел свернул с трассы. На разбитом краю асфальта замедлился почти до шага.

У развилки Артём попросил остановиться. Через открытое стекло сфотографировал щит наверху съезда, поворот к бюро и прямой проезд. Это место он знал до вчерашнего вечера; не хотелось, чтобы позднее и оно перемешалось с остальным.

Фургон с площадки уже уехал. Дежурный сидел за стеклом. Павел показал на него подбородком, но Артём покачал головой. Спросить было нечего: видеть их на проезде и проехать с ними под мостом — разное.

Машина пошла вдоль ограды.

— Плиты справа, — сказал Артём. — Канава слева. После изгиба карман.

— Вижу.

— Я вслух.

Павел коротко кивнул.

На этот раз Артём заметил у насыпи старый съезд, засыпанный щебнем. От него дорога просматривалась дальше, чем от бюро: над низкими кустами были видны серая дверь будки и левая сторона мостового проёма. Он запомнил место, но не стал отвлекать Павла.

Перед латкой они остановились. Мотор едва слышно работал. Пакет на ограде теперь висел неподвижно.

Артём снял мост и будку, стараясь оставить в одном кадре щит, карман и дорогу назад. Потом положил телефон экраном вниз на бедро.

— Отсюда обратно знаем, — сказал Павел.

Он тронулся. Машину качнуло на краю латки, и она вошла в тень под мостом.

Артём смотрел только вперёд. На светлом асфальте за пролётом лежал поперечный водосток. По его краю застыли грязные комки снега. Дальше, до правого изгиба, дорога оставалась видна целиком; на внутренней стороне поворота торчал короткий столб с обрезанным верхом. В первый раз Артём его не заметил.

— Перед водостоком останови.

Павел затормозил. Капот закрыл ближнюю часть водостока; до него ещё оставалось несколько метров.

Машина стояла за мостом. Артём повернулся. Через заднее стекло был виден пролёт, а за ним — латка на въезде. Серая будка осталась с той стороны, её закрывал устой.

Он снова посмотрел вперёд. Поворот вправо, а за ним две трубы и край плоской крыши. Всё на месте.

— Назад чуть, — сказал Павел.

Артём проверил заднее стекло и зеркало со своей стороны.

— Никого.

Павел сдал назад, до тени от крайней балки. Потом снова проехал вперёд и остановился там же, перед водостоком.

Крыша осталась впереди. Мост — сзади.

У Артёма заныли зубы: он слишком сильно сжимал челюсти. Он разжал рот, выдохнул.

— До этого места идёт нормально, — сказал он.

— Пока да.

Павел подал машину ещё немного вперёд. Артём вытянул шею, стараясь не терять водосток из виду. У правого края дороги светлая полоса бетона оставалась видна. От неё до столба на повороте было всего несколько метров.

— Дальше? — спросил Павел.

Артём посмотрел в зеркало. Дорога назад была свободна.

— Дальше.

Передние колёса мягко опустились в водосток и вышли из него. Потом то же сделали задние. Павел почти не нажимал газ. Машина ползла к обрезанному столбу.

Артём смотрел на столб. Он уже различал тёмное квадратное отверстие сверху. Слева по краю лобового стекла уходила насыпь, справа тянулись плиты.

Столб приблизился, оказался рядом с правой стойкой стекла.

Павел начал совсем немного доворачивать руль.

Впереди снова оказалась латка на асфальте перед мостом.

Артём ещё смотрел туда, где секунду назад был обрезанный столб. Теперь справа шевелился синий пакет, а слева, у въезда под мост, желтел щит ограничения высоты.

— Стой.

Павел уже тормозил.

Артём резко обернулся. За ними уходила дорога к бюро. Светлого водостока не было. Не было ни двух труб, ни плоской крыши.

Он повернулся обратно. Их снова вернуло к началу проезда. Они пересекли водосток, приблизились к столбу, но вместо дороги за поворотом увидели знакомый въезд под мост.

Павел сидел неподвижно. Указатель поворота не был включён. Руль он вернул прямо, и машина стояла параллельно ограде, носом к мосту.

— До столба, — сказал Артём. Голос оказался сиплым. — Между стоком и столбом.

Павел сглотнул.

— Я видел столб у твоей двери.

— Я тоже.

— Потом латку.

Артём кивнул.

Он прижал ладонь к колену. Телефон съехал к ремню, но не упал. Артём поднял его и проверил время: двадцать минут ещё не прошли.

За мостом оставалась крыша. До неё было, казалось, совсем немного. Хотелось выйти и хотя бы дойти до водостока, поставить на светлый бетон ботинок.

Он посмотрел на Павла.

— В карман, — сказал Артём. — Разворачивай.

Павел сразу включил поворотник.

Когда машина встала поперёк дороги, Артём снова следил за задним стеклом. Они повернули там же, где в прошлый раз, выровнялись и поехали к бюро. Серую дверь будки он увидел в последний момент: та всё ещё была закрыта.

До развилки никто их не встретил.

Павел выехал на трассу, проехал остановку и поворот к гаражам. Только после рекламы шин Артём позволил себе отвернуться от дороги.

— Два раза одинаково, — сказал он.

— Достаточно.

— Я не про ещё раз.

Павел бросил на него короткий взгляд и снова посмотрел вперёд.

* * *

У шиномонтажа Артём вышел первым. Он стоял на том же месте, что и полчаса назад, и не мог согреть пальцы, хотя в машине было тепло.

Павел достал из бардачка карандаш. Артём развернул чек на капоте.

На рисунке места за мостом почти не осталось. Он провёл светлый водосток двумя короткими линиями, обозначил столб и заштриховал расстояние между ними.

— Здесь, — сказал он.

Павел наклонился.

— Мы до него не доехали или доехали?

Артём вспомнил квадратное отверстие. Столб был возле стойки; передняя часть машины могла уже миновать его.

— Не скажу точно. Он был справа, близко.

— Так и пиши.

Артём поставил скобку от водостока до изгиба.

— До стока останавливались. Назад сдавали, вперёд ехали. За ним нас вернуло.

— На этом куске.

Павел коснулся заштрихованного места.

Артём хотел соединить его стрелкой с началом моста, но рука остановилась. Такая стрелка выглядела бы как дорога, которую они проехали. А дороги он не видел.

Он написал сбоку: «Снова перед мостом».

Снимки были обычными. Щит, бетон, грязь; на одном край пакета смазало ветром. Артём сфотографировал чек и отправил полицейскому вместе с видами подъезда. Дописал, где они остановились за мостом, как проверили движение назад и на каком отрезке вернулись к прежнему въезду. Отдельно указал, что внутренние здания не осматривали и людей не видели.

На телефоне появился ответ с просьбой сохранить снимки и оставаться на связи. О дороге в нём ничего не объясняли. Артём перечитал короткую строку, убрал экран от солнца и позвонил Марине.

— Мы закончили. Оба на трассе.

Она спросила, что получилось. Артём рассказал про водосток и столб. Когда произнёс «граница», сам же остановился.

— В общем, дошли до места, после которого нас возвращает. На машине. Дальше не попали.

— Значит, к людям дороги пока нет?

— Пока нет.

— Паше дай трубку.

Артём передал телефон. Павел выслушал, сказал: «Да, сам видел». Потом: «Нет, больше туда сегодня не поедем». Отошёл на пару шагов и некоторое время отвечал коротко, почти одними «да» и «нет». Артём не пытался разобрать вопросы.

Вернув телефон, Павел открыл машину.

— Садись. Дома согреешься.

Артём смотрел на сложенный чек.

— Снабженцы ездят, — сказал он.

— Ты видел, что они сворачивают.

— Да. Что сворачивают.

Он убрал чек во внутренний карман, к телефону.

— Значит, надо смотреть, что с ними дальше.

Павел не сел. Постоял, опираясь рукой на верх двери.

— Откуда?

— Там старый съезд перед мостом. Щебень, слева. Я на втором проезде заметил. Оттуда будку видно и въезд.

— Посреди их дороги стоять не будем.

— Машину можно оставить раньше, у развилки. До съезда пройти по обычному участку. Не под мост.

Павел посмотрел на трассу.

— Сейчас проверять не поедем.

— Сейчас нет.

Артёму понадобилось усилие, чтобы произнести это без добавки. Он всё ещё видел столб возле правой стойки. Мысль о том, что крыша была видна совсем рядом, а они так и не добрались до неё, не отпускала. Но сколько ни представлял следующий проезд, за столбом снова вставал жёлтый щит.

— Приедем смотреть, — сказал он. — Кто туда идёт, где останавливается. Может, к будке подходят. Может, разворачиваются, как мы. Я не видел.

Павел опустил глаза на его руки.

— Сначала поспишь. Потом договоримся, когда ехать. Чтобы обоим хватило времени, а не на полчаса между делами.

— Хорошо.

— И если скажу уходить…

— Уходим.

Павел сел за руль. Артём обошёл машину и устроился рядом. Перед тем как закрыть дверь, ещё раз посмотрел в сторону поворота на «Лесную». Отсюда он был не виден.

— К мосту не подъезжаем, пока не поймём, кто через него проходит, — сказал Павел.

Артём пристегнулся.

— Кто проезжает, — поправил он. — И что перед этим делает.

Павел запустил двигатель.

Артём достал телефон и открыл снимок подхода. Серая будка стояла у самого края кадра. Он уменьшил изображение, чтобы рядом с ней поместились и карман, и въезд под мост, и дорога, по которой они дважды вернулись.

Таким он и оставил снимок на экране.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.